

финансовых активов с фиксацией сделок на электронной платформе, тем самым, есть возможность отслеживать подозрительные сделки и определять источник и владельца криптовалюты. Это была одна из ключевых проблем децентрализованного оборота криптовалют, позволявшего активно развиваться незаконным рынкам наркотиков, оружия и т.д., спонсировать терроризм и экстремизм, отмывать деньги и т.д.

Стоит отметить, что ряд государств категорически запрещали оборот криптовалют на своей территории из-за угрозы краха финансовой системы, в частности, Непал, Алжир, Боливия, Эквадор. Однако сегодня Эквадор официально первая страна с государственной цифровой валютой. Причем на его территории продолжают быть под запретом как Bitcoin, так и все многообразие платежных систем и валют децентрализованного порядка, во избежание конкуренции с национальной цифровой валютой, которая, принципиально отлична от криптовалют, поскольку имеет привязку к доллару и полностью контролируется со стороны государства. Китай также развивает национальную цифровую валюту – цифровой юань, разрабатывая его с 2014 г. под контролем Финансового комитета Госсовета КНР. Сложности с его тестированием и использованием на Олимпиаде 2022 приложения, от которого отказались из-за трудностей с сохранением персональных данных, не дает полной картины полноценного запуска цифровой национальной валюты. Между тем, большинство стран мира, в том числе европейских, торопятся с выпуском собственной цифровой национальной валюты (CBDC), осуществляя их тестирование. Речь идет о Канаде, Франции, Южной Корее, ЮАР, Уругвае. Однако ставится серьезный вопрос, насколько цифровая национальная валюта соответствует понятию криптовалюты. С 2021 г. криптовалюта лишилась всех своих экономических преимуществ, санкционное давление с блокировкой кошельков также привело к утрате ее привлекательности. Регулирование оборота криптовалют с последующим ужесточением контроля приведет к снижению интереса к криптовалютам и переключит внимание на обеспеченные национальные цифровые валюты, хотя пока последние не заработали в полной мере трудно что-либо прогнозировать в столь нестабильной сфере. В любом случае формирование бюджетов государств с использованием криптовалют не станет ключевым, поскольку, возвращаясь к вопросу истории и тайны возникновения криптовалюты, ни одно государство мира не рискнет в одночасье остаться без средств к существованию из-за какой-либо блокировки информационной системы или глобального компьютерного сбоя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова Т.В. Криптовалюта: эволюция становления и перспектива развития / Т.В. Плотникова, В.В. Харин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. –2018. – № 4. – С. 50-54.
2. Андрюшин С.А. Криптовалюты: выпуск, обращение и проблемы регулирования / С.А. Андрюшин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 455-468.
3. Умаров Х.С. Криптовалюты как инвестиции: преимущества и риски / Х.С. Умаров // Дискуссия. - 2022. - Вып. 110. - С. 52-60.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Ю.А. Комнатная
Белгород, Россия

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

В статье анализируются изменения доктрины международного частного права, вызванные санкционным давлением и введением многочисленных запретов на ведение

внешнеэкономической деятельности, а также значительными ограничениями прав граждан Российской Федерации за пределами своей страны.

Ключевые слова: *доктрина международного частного права, санкции, запреты, эмбарго, права человека.*

CURRENT TRENDS IN THE DOCTRINE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

J.A. Komnatnaya

Belgorod, Russia

Belgorod State National Research University

The article analyzes the changes in the doctrine of private international law caused by sanctions pressure and the introduction of numerous bans on foreign economic activity, as well as significant restrictions on the rights of citizens of the Russian Federation outside their country.

Keywords: *doctrine of private international law, sanctions, prohibitions, embargoes, human rights.*

Последние десятилетия глобализация вторглась во все сферы жизни, что повлекло существенной изменение правового регулирования не только на уровне международного взаимодействия, но и на национальном уровне. Конечно, международно-правовое регулирование трансграничных процессов в первую очередь ощущало влияние ухода от национального интереса, тем сильнее сейчас испытывают трудности экономики и правовые системы государств, ориентированных исключительно на глобализационную политику. Российская Федерация сегодня находится под беспрецедентным количеством санкций, более 11,5 тыс. Они касаются абсолютно всех сфер жизнедеятельности и практически всех видов экономической деятельности государства, здесь, как говорится, проще назвать вопросы, которые санкции не затронули. Однако ожидаемого результата «санкционная война» не принесла. В чем же просчитались наши оппоненты?

Российская Федерация преемник СССР, тот в свою очередь преемник Российской империи и, если оглянуться в историю нашего государства, то мы увидим, что без санкций западного мира практически никогда не жили. Будучи «полноправным членом» Ганзейского союза Великий Новгород от налагаемых бесконечных запретов лишился своего торгового флота, а по положениям «Новгородской Скры» (судебник Немецкого двора XII-XIV вв.) – брать к перевозке немецким флотом товары новгородских купцов категорически запрещалось, так и угасала внешняя торговля Руси. Позже, при Иване IV страх перед крепнувшим Московским государством привел к запрету передачи новых технологий – не разрешали выезд из Европы в Россию мастерам, не поставлялось новое оружие, оставалась европейская монополия на морские перевозки, началась активная демонизация русского государства с помощью современных информационных технологий – распространение листовок о «варварской Московии» и деспоте Иване IV огромными тиражами, благо опыт информационной войны с помощью распространения фейков уже был, достаточно вспомнить графа Дракулу. Они и сейчас в памяти европейцев два главных злодея, настолько эффективно были проведены эти кампании. Постоянное несправедливое экономическое и политическое давление привело к вполне закономерным результатам. Как отмечал великий английский историк, автор цивилизационного подхода, А. Тойнби: «давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII в. было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе «вестернизации»... в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим

нечеловеческим усилием всю Россию. Поляки и шведы вдруг обнаружили, что почва выскальзывает из-под ног. Их роль в истории западного общества была сыграна; и после того, как стимул, обуславливавший рост их витальности, исчез, начался быстрый процесс разложения. Понадобилось чуть больше столетия... чтобы Швеция лишилась всех своих владений на восточных берегах Балтийского моря, включая свои исконные земли в Финляндии. Что же касается Польши, то она была стерта с политической карты» [1, с.148.]. Что уж говорить про СССР, который с момента основания до своего распада постоянно находился под санкционным давлением. После 1991 г. была иллюзия свободы экономического развития, однако перечень санкций на технологии не иссякал никогда. Активизация санкций против РФ произошла после известных событий в 2008 г., затем после 2014 г., а в 2022 г. на Россию обрушился санкционный дождь.

Естественно, все, о чем мы писали выше, в полной мере касалось, в основном, внешнеэкономических отношений, однако современные санкции затронули и имущественные права физических лиц, имеющих принадлежность к Российской Федерации. Все принципы международного общения и взаимности, на которых выстраивалась западная доктрина международного частного права последние двести лет были перечеркнуты незаконными с точки зрения международного публичного права решениями правительств, так называемых «цивилизованных государств». Последний термин также родом из XIX в. и основан исключительно на позиции колониальной политики по отношению к «нецивилизованному миру» с правом самостоятельно решать судьбу третьих государств без уведомления последних о принятом решении.

Таким образом, современная доктрина международного частного права, используя устоявшиеся зарубежные формулы, которые этими же государствами были нарушены, находится в затруднительном положении. С одной стороны, можно использовать богатую практику советского периода, с другой стороны, даже в советский период права человека – гражданина конкретной страны не были настолько ущемлены как сейчас. Итак, санкции в эпоху глобализации экономики и права разрушили национальные экономики и поставили под сомнение справедливость правовых норм стран, использовавших «мягкое оружие» международного права. Буквально несколько лет назад М.В. Мажорина об изменении науки международного частного права писала: «Современная юридическая карта мира — это разноцветное лоскутное одеяло национальных правопорядков — трещит по швам сообразно тому, как государственные границы обесмысливаются и становятся формальными линиями на политических картах ввиду трансформации статуса государств. Правовая надстройка уже не может иметь прежнего характера автономных правовых массивов, требуется ее переосмысление с позиции глобального экономического и социального базиса» [2, с. 194]. В современных условиях переход к наднациональному праву и завершению процесса ограничения государственного суверенитета в угоду транснациональным экономическим отношениям не состоялся. Таким образом, приостановлен, а точнее, развернут процесс трансформации статуса государства с ослабленным суверенитетом и остановлено разгосударствление права. Сами государства, равно как их экономики, а следом за ними и право вернулись на путь отстаивания национального интереса. Исследования зарубежной правовой школы о зарождении сетевого (цифрового) всемирного государства и неустойчивости понятия государственного суверенитета, связанное с практикой взаимодействия государств в рамках так называемого экономического союза, привело к официальному заявлению и практике применения немыслимого в международном праве – ограничению суверенитета государств-участников Европейского союза [2, с. 197]. Раскрывая специфику этой новой доктрины международного публичного и международного частного права, Н.Б. Пастухова в своем исследовании отмечает, что с начала XXI в. «действует подобие доктрины «Защита демократии и прав человека – общее дело мирового сообщества», где «американская идеология либерализма превращается в тоталитарное мировоззрение, не терпящее сосуществования иных ценностей... любое государство обязано прежде всего

проводить проамериканскую политику и не препятствовать геополитическим планам США управления миром, иначе его демократия будет немедленно объявлена ненастоящей, а само государство тоталитарным» [3, с. 140]. По итогам анализа финансового, информационного, экономического и политического противостояния России и новой парадигмы западного мира ученый делает вывод: «Россия была единственным препятствием на пути насильственной унификации многообразного мира в интересах мирового центра власти, диктующего свою волю суверенным субъектам международного сообщества. Восстановить равновесие... возможно лишь тогда, когда Россия примет навязанный ей вызов...» [3, с. 141.]. Оппонентом этой позиции можно считать Е.А. Войниканис, которая полагает, что подход «сохранения суверенитета и неприкосновенности как залога соблюдения интересов государства в мировом сообществе... не является вполне верным... от международного права, как и от частного международного права, вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем удовлетворительного решения возникающих проблем. Указанные отрасли права имеют иерархическую структуру, тогда как сетевой характер регулируемых отношений подразумевает децентрализацию» [4, с. 9-10]. Все это вызвано построением единого киберпространства (цифрового государства), не имеющего территориальных границ, без привязки к конкретному местоположению, этому же способствовало развитие децентрализованных криптовалют и невозможность контроля над интернетом. Однако, как показала практика интернет вполне управляем, и жесткий контроль над криптовалютами и криптокошельками, каналами и целыми информационными платформами не так-то сложно установить, причем четко в пределах государственных границ и в отношении лиц, имеющих вполне конкретное физическое местоположение или гражданство государства-изгоя. Национальный интерес оказался в условиях нехватки ресурсов гораздо дороже и важнее всех глобализационных идей, а открытая дискриминация и попрание всех прав человека в угоду реализации крайне сомнительных аморальных идей о свободе различного толка, полностью ставит под сомнение вообще существование декларативных прав человека и возможности их реализации в «цивилизованном мире».

Таким образом, будущее доктрины международного частного права находится в его прошлом. Те парадигмы, которые были установлены европейской и американской наукой, международного частного права в том числе, в современных условиях перестали иметь сколько-нибудь значимое действие. Сегодня все государства как никогда понимают силу и значение государственного суверенитета и национального интереса, поэтому ошибочный путь глобализационного развития, скорее всего, будет значительно скорректирован переходом к многополярному миру с многообразием различных позиций и национальных интересов, зарождением новых принципов, где коллизионное право вновь станет актуальным и востребованным наравне с унификацией ряда норм частного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – М.: Прогресс, 1990. – 730 с.
2. Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации / М.В. Мажорина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – №1. – С. 193–217.
3. Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации / Н.Б. Пастухова // Журнал российского права. – 2006. – № 5. – С. 130–141.
4. Войниканис Е.А. Парадигмальный сдвиг в современном праве / Е.А. Войниканис // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1. - М.: Изд. Воробьев А.В., 2010. – С. 138–161.